

Перова Анастасия Евгеньевна
Фрилансер,
Москва, Российская Федерация
aeperova@yandex.ru

«Новые» катастрофы в условиях информационного общества: параллели развития

Аннотация. Объектом исследования является взаимовлияние при одновременном становлении и развитии двух феноменов: так называемых «новых» экологических катастроф и информационного общества. «Новые» катастрофы – термин, предложенный Дж. Урри в 2011 г., неназванным проник в труды многих социологов-теоретиков. Информационное общество, казалось бы, самостоятельное и далеко отстоящее от природы явление, дало почву для укрепления в общественном дискурсе масштабных экологических, «новых» катастроф. Примечательно, что в их развитии, проходящем параллельно, можно найти общие черты: время, пространство, границы, эмоциональное вовлечение и непредсказуемые перспективы развития.

Ключевые слова: «новая» катастрофа; экологические катастрофы; окружающая среда; информационное общество; информационная неуверенность; инвайронментальная социология

Perova Anastasia Evgenyevna
Self-employed,
Moscow, Russian Federation
aeperova@yandex.ru

“New” catastrophes amidst the information society: parallells of the development

Abstract. The object of the research is the mutual influence of the two phenomena with a simultaneous establishment and development: the so-called “new” ecological catastrophes and the information society. The “new” catastrophe is a term introduced by J. Urry in 2011, and it, though unnamed, has found a way into the works of many prominent theoretical sociologists. Information society, a phenomenon, self-sufficient and a distant from the nature, has given way to strengthening of large-scale ecological, “new” disasters in the social discourse. Their simultaneous development has some common features: one could find them in time, space, boundaries, emotional engagement and unpredictable perspectives of evolution.

Keywords: “new” catastrophe; ecological disasters; environment; information society; informational insecurity; environmental sociology

«Новые» катастрофы как недавний феномен социологии

Катастрофа, как таковая, с точки зрения социологии, это относительно внезапное событие, когда, вследствие воспринимаемых и происходящих угроз, привычный порядок коллективных ячеек общества серьезно нарушается и когда должны быть

приняты незапланированные комплексы мер для того, чтобы совладать с кризисом [Quarantelli, 2000: 681–688]. Это определение, достаточно современное, было выдвинуто Э. Карантелли, всемирно известным исследователем катастроф, после ряда других подходов, менее ориентированных на социальность ударов стихий – и только потом ученые отошли от технического или природного объяснения в сторону большего внимания социальным последствиям катастрофы: кризисам, уязвимостям, фреймингу, ландшафту, социально-экологическому метаболизму, нарративам и проч [Перова 2018: 65–86].

«Новая» катастрофа – не просто какой-то тип катастрофы, подвид удара стихии XXI века. Это одна из граней катастрофизма, как течения, подхода, возникшего в конце XIX века, и представленного, например, в труде О. Шпенглера «Закат Европы». Общество будущего рассматривается, изучается, с одной стороны, с учетом неопределенности и ограниченности научного знания, с другой стороны, осознавая всю комплексность, нелинейность климатических изменений и их социальных последствий, уязвимостей, ими создаваемых.

Само понятие «новая» катастрофа было выдвинуто английским социологом Дж. Урри в 2011 году, в работе «Изменения климата и общество». В качестве иллюстраций социолог назвал такие вызовы современности, как потенциальное сокращение запасов нефти, природные катаклизмы, наступление пустынь, возникновение «высокомобильных заболеваний», появление «инвайронментальных беженцев» [Urry, 2011: 36, 45].

Однако помимо Дж. Урри, чей подход, возможно, не стал слишком общепринятым, сама проблема качественных изменений катастроф, происходящих в окружающей среде, в целом привлекает внимание социологов. Здесь речь не только об институционализации инвайронментальной (или экологической) социологии, начавшейся в 70-е годы, но о внимании и частоте, с которой упоминание современных, новых проблем окружающей среды, вызванных отложенным эффектом антропогенного воздействия на природу, появляется в трудах социологов. К таковым можно отнести Н. Лумана, Э. Гидденса, У. Бека, Ч. Перроу, П. Сорокина, О. Н. Яницкого. Они уже говорили о качественных связях между происходящим в экосистеме, особенно хрупкой, не всегда способной вернуться к балансирующему равновесию после вмешательства человека. Так, Луман подчеркивал, что без коммуникации, то есть новостей в газетах или по радио, например, люди не узнают о том, что кто-то утонул в реке или что смерч снес крыши зданий, а, значит, эти происшествия в каком-то смысле не будут существовать для общества: природа нуждается в признании человека, и катастрофы вне социума в этом смысле не происходят [Luhmann, 1989]. Гидденс разработал целый список рекомендаций в области инвайронментальной, «зеленой» политики для правительств государств, причем опираясь на экономические факторы [Giddens, 2009]. А Бек предложил концепцию эмансипирующих катастроф [Бек, 2016: 178–185]: говоря о позитивных, не

всегда очевидных последствиях катастрофы, он в первую очередь называл солидаризацию, объединение людей вокруг трагичных событий.

Получается, что если традиционные или «старые» катастрофы более просты, однократны, их обуславливающие факторы понятны, а негативные последствия относительно легко предотвращаемы, то в случае катастроф XXI века, «новых», чьи предпосылки укоренены в антропоцене, завоевание человеком природы наложило столько отпечатков и уже, к сожалению, почти неизлечимых ран на тело Земли, – последствия непредсказуемы, предпосылки настолько масштабны, что их не изменить. Они сложны, комплексны, глобальны зачастую, требуют совершенно иного ответа не только местных властей, но и простых граждан, правительств и международных и локальных некоммерческих организаций и благотворительных фондов. Они не только укрепляют международные связи на разных уровнях, требуют работы с посттравматическим синдромом, но и становятся настоящими желанными событиями для журналистов, видящих в их масштабности картинку, освещать которую им будет возможно не один день.

В целом, мы предлагаем такое определение «новой» катастрофы. «Новые» катастрофы – это широкомасштабные каскадирующие катастрофы с длительным социально-экологическим метаболизмом, социоприродной причинностью и значительными дисфункциональными и функциональными последствиями не только для мировой окружающей среды, но и для глобального социума [Перова, 2018: 92].

Векторы «новых» катастроф

Катастрофы преследуют человека на всех уровнях, проявляются неожиданно и действуют слитно. С ними сталкивается в своей повседневности и человек, далекий от линий слома тектонических плит или действующих вулканов, оказываясь в уязвимом положении пассажира самолета – и в этом высоко-мобильном транспортном средстве оказываясь бок о бок с человеком из другой страны, носителем коронавируса или свиного гриппа (последние знаменитые вирусы первых десятилетий XXI века). И человек, сидящий перед экраном телевизора в своей уютной гостиной: из новостей он мельком, по паре сцен узнает и о политических переворотах, и об экологических вызовах современности, и о цунами в восточном полушарии, и об аварии на электростанции у себя на родине. Он будет испытывать чувство страха, неопределенности, беспокойства – или, наоборот, удовлетворения своей абстрактной защищенностью и спокойствием вдали от тревог, в стенах своего дома. Таким образом, даже люди, непосредственно не включенные в происходящее во время и после катастрофы, но точно участвующие в формировании и фиксации предпосылок её вероятности, так как все человечество непосредственно завязано на потреблении мяса (а значит, увеличении выброса метана и росте парникового эффекта), использовании автомобилей и других транспортных средств (также углекислым газом подкрепляющих климатические изменения, ведущие к нестабильности экосистемы),

сталкиваются с тем или иным проявлением текущих, «ползучих», порой латентных катастроф, имеющих экологические корни.

Дабы разграничить действие катастроф в современном мире, нами было выделено три уровня вариативности действия катастроф [Перова, 2018: 107–137]. Это векторы или типы их развития, названные в соответствии с макро-, мезо- и микроуровнями проявления, проводят нас от макрокосма до вписанного в него микрокосма, человека.

В первую очередь, это **планетарные катастрофы**, являющиеся производными от изменений климата – самого значительного и масштабного вызова человечеству последних лет. Британский социолог М. Манн в четвертом томе книги «Источники социальной власти. Глобализации, 1945–2011» пишет, что эту глобальную проблему «по масштабу воздействия можно сравнить с атомной энергией» [Mann, 2013: 362]. Ее последствиями и в то же время манифестациями могут быть как тайфуны и ураганы, так и цунами, засухи и наводнения – так называемые «экстремальные погодные явления». В долгосрочной перспективе это затопление прибрежных городов, таяние льдов на полюсах и в ледниках, «мертвые» земли и воды, то есть «убитые» химикатами и загрязнениями в условиях недостатка кислорода и, как следствие, деградирующие [Sassen, 2014: 149–210].

Они заслуживают внимания и потому, что демонстрируют и крайнюю связанность процессов, протекающих на планете – и в дополнение вызывают чувство взаимной ответственности всех людей, проживающих на земном шаре. К чувству солидарности прибавляется сложности современного человека, возникающие в условиях неполадок в электросети, временного отсутствия Интернета, как последствий аварий и ударов стихии. Среднестатистический человек не всегда готов к таким вызовам, если остается один, в группу риска также попадают маргинальные группы, такие как бомжи.

Однако против играет эффект «слепого пятна» [см. Cerulo, 2006]: неспособности человека или целого сообщества предвидеть, предугадать или как-то заранее обозначить наихудшее в качестве возможного сценария будущего. Этот феномен в чем-то связан с парадоксом Гидденса и перекрывается «позитивной асимметрией», как характеристикой обществ, людей и событий. В рамках этого феномена предполагается, что людям не свойственно задумываться о будущем в негативном контексте, оно словно затуманивается или затмевается их представлениями о нем – и в контексте неожиданных климатических изменений этот феномен может делать их удар еще более болезненным и неожиданным.

В качестве второго типа можно назвать **антропогенные изменения** лица планеты, то есть те изменения в экосистеме планеты, которые приносит деятельность человека. Это вырубка лесов и уменьшение биоразнообразия Земли, всевозможные загрязнения атмосферы, почв и вод, а также тепловое загрязнение и проблемы,

связанные с замусориванием не только окружающей среды, но и культуры в целом, их приобретенная патологичность.

Сюда же можно отнести продовольственную и питьевую безопасность в целом – еще один глобальный вызов человечеству. Возрастает спрос даже на исходные, чистые ресурсы, такие как питьевая вода и земля под сельскохозяйственные нужды. Все большая опасность массового отравления из-за содержания ядовитых веществ в пище возникает из-за накопления в почве химикатов. По словам Дж. Урри, в будущем возможны продовольственные протесты, вызванные растущими ценами на продукты питания [Urry, 2011: 43]. Богатые страны уже закупают землю в развивающихся, чтобы обеспечить продовольственную безопасность своему обществу. Например, Катар приобрел землю в Южной Австралии, были планы и по закупке земли в Кении и Камбодже, что можно назвать новой формой колонизации [The Guardian, 2008]. Подобные проявления «захватнической» глобализации в период нового эпохализма говорят о том, что ресурсы планеты все более рассматриваются, как единое целое, но за них все больше идет экономическая борьба.

Экологическая миграция – еще один феномен, набирающий обороты по всему миру. Эта проблема гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. С ней связаны не только разводы и последующие переезды женщин и детей, бросающих мужей и отцов, не желающих уезжать из родной префектуры Фукусима, после аварии на одноименной японской атомной электростанции в 2011 году. Даже Средиземное море, казалось бы, омывающее мирную Европу, за последнее десятилетие приобрело статус самого смертоносного в мире. Из-за потоков беженцев из Африки с её гражданскими войнами и ИГИЛ за период с 2014 по 2019 гг. статистика Международной организации по миграции превысила 19 000 человек, включая детей, погибших в его водах [Eastern Partnership migration panel, 2020].

Третий тип – это **эпидемии высоко мобильных заболеваний** и сопутствующие проблемы, вызванные, с одной стороны, ростом вирусной сопротивляемости и появлением новых, мутирующих бактерий и вирусов, а с другой – появлением лекарств, которые также способны влиять на человеческой сознание.

В. Смил сравнивает современные эпидемии гриппа, приходящиеся на зимние месяцы в течение многих лет, с часто происходящими природными катаклизмами, называя их «соматическим спутником» последних [Smil, 2008: 40.]. Можно сказать, что если распределение катастроф еще как-то зависит от географической привязки, то сезонные заболевания способны настигнуть любого человека и быть разнесенными по земному шару.

В 1990-е возникла угроза того, что разносчиками гриппа могут стать птицы и свиньи – вирусы H5N1 и H9N2. С 1997 г. различные вариации этих мутировавших вирусов атаковали людей в Азии и ряде европейских стран с показателем смертности в 61 % [WHO, 2007], приведя к смерти сотен людей.

Другая возможная катастрофа – если противовирусные препараты потеряют свою эффективность [Smil, 2008: 211–212]. Даже при их наличии инфекционные заболевания остаются второй по частоте причиной заболеваний по всему миру. Мир скатывается в хаос неконтролируемых инфекций [Amyes, 2001: 211], и ситуация ухудшается, так как фармацевтические компании практически перестали разрабатывать новые антибиотики.

Соответственно, и вероятность того, что на следующие годы тоже придется эпидемии гриппа стопроцентна. Однако нам неизвестно – и сложно предугадать – насколько острой по последствиям, опасной по симптомам и ограниченной по возрасту заболевших они будут. Еще более сложно оценить уровень смертности и причины происхождения, несмотря на все усилия ученых. Более того, интегрированность мировой экономики и современные путешествия, равно как и торговые пути играют значительную роль в распространении эпидемий по всему земному шару. Против них играют лучшее питание, гораздо более высокий уровень работы больниц и госпиталей и несравненно большее понимание вирусологии. Однако любое масштабное заболевание несет за собой последствия для поколений.

Все три выделенных типа говорят о том, что человек все больше противопоставляется природе и в идущей против нее борьбе, в ситуации истощения ресурсов и опасности нависшей угрозы эпидемий и смертельных болезней он оказывается не в состоянии справиться с поддержанием хрупкого баланса экосистемы.

Условия информационного общества

Само «информационное» общество пришло на смену индустриальному и может рассматриваться, как частное проявление постиндустриального общества. Сам термин был предложен японским социологом К. Коямой в начале 80-х годов XX века. Более подробное исследование постиндустриального общества, как информационного было сделано другим японцем, Й. Масудой. Теоретики, также занимавшиеся его вопросами: Д. Белл, А. Тоффлер, М. Кастельс, Дж. Мартин, Дж. Нэйсбитт и др [Ижболдин, 2011: 105].

В настоящее время оно определяется не только всеобщей информатизацией, но и тем, что основано на знаниях, то есть важнейшим сектором экономики является производство, распределение, хранение и переработка информации. Кроме того, считается, что информационное общество – это стадия на пути к созданию ноосферы, то есть гармоничного этапа сосуществования и единства человеческого разума и биосферы, планеты, о которой говорил еще русский академик В. И. Вернадский [Вернадский, 1989].

Интернет как неотъемлемая часть информационного общества представляет собой систему, в которой наиболее ярко проявляется глобализирующая сила современности. В нем практически отсутствуют национальные границы, это практически единое информационное пространство, в котором происходят деловые и

личные коммуникации, экономические и коммерческие сделки, причем коммуникация возможна не только в текстовом формате, но и в качестве передачи видео и аудио файлов, в том числе в режиме реального времени. У Интернета огромное количество достоинств, делающих возможными, например, удаленную работу или общение с родными и близкими в любой точке мира. Переход к использованию Интернета означает качественно иной способ взаимодействия и функционирования общества. Однако у этой информатизации есть и свои недостатки. Использование компьютеров, смартфонов и прочих гаджетов открывает человеку новые расширения, но и одновременно лишают человека времени, которое он мог бы проводить оффлайн. Это можно рассматривать, как отдельную катастрофу, с латентными дисфункциональными последствиями, но внешне положительным эффектом.

При этом традиционные СМИ также выходят на Интернет-площадки, начиная функционировать в двух режимах. Цифровые технологии подкрепляют и другие возможности работы СМИ, делая возможным 24-часовое вещание, взаимодействие с гражданским обществом посредством социальных сетей и заимствованием контента. Власть и информационный капитал в таких условиях позволяют, в случае катастроф, нагнетать страх по всему миру, стирая национальные и языковые границы, при этом вызывая чувство солидарности и ответные, сплоченные действия.

Такие глобальные по своему эффекту воздействия катастрофы важны не только благодаря непосредственной информационной значимости для мира и из-за большого количества человеческих жертв. Эпичность происходящего способна вызвать живой отклик у аудитории и показать всю хрупкость и уязвимость современной экологической обстановки, равно как и обнажить ценность человеческих жизней в условиях, когда рушится привычный уклад жизни и безопасность ставится под вопрос.

И в условиях катастроф и подобных им аварий, происшествий существуют и несколько ограничивающие свободы слова феномены, которые также непосредственно связаны с катастрофизмом и напрямую способны увеличивать риски.

Информационная неуверенность (*informational uncertainty*) – отсутствие четкого и ясного восприятия, понимания реальных и воспринимаемых рисков, связанных с ударом катастрофы, у людей [Button, 2010: 11–12]. Основывается на том, что информация о событиях, с ней связанных, зачастую неполная и конфликтующая, а поиск заслуживающих доверия источников осложнен – так действие различных СМИ отзывается в людях, смущает их и подача информации правительствами. Примечательно, что информационный вакуум, сопровождающий катастрофы, способен породить дезинформацию и вредные слухи. При этом свойственное людям обращение к ученым, как к квалифицированным специалистам, способным дать четкий ответ, не всегда оправдано, так как у науки не всегда есть способы быстрого и легкого для понимания стороннего слушателя ответа на поставленные вопросы (скажем, в ситуации, когда СМИ требуется пара убедительных фраз о безопасности того или иного события).

Секвестрация знания (*sequestration of knowledge*) – явление изоляции или конфискации из общедоступного информационного поля знания, необходимого широким слоям общественности для принятия решений относительно рисков (в данном контексте – в условиях катастрофы) [Button, 2010: 193]. Обычно этот феномен возникает в начале катастрофы, когда правительственные агенты, равно как и корпорации, закон и СМИ принимают решения о выборочном освещении событий, с ней связанных. Тогда знание производится в условиях повышенной амбивалентности и информационной неуверенности. Это понятие говорит об атмосфере недоверия, царящей в СМИ в период катастроф, когда становится наглядно видна их сила, как «четвертой власти».

Параллели между «новыми» катастрофами и «новым» типом общества

Возможно, сопоставление природных и антропогенных феноменов и высокотехнического общества – не самое очевидное на первый взгляд в своих связях, однако предпосылки и общие пути развития у них могут рассматриваться, как общие. В качестве параметров, формирующих схожие пути сопоставления «новых» катастроф и «нового», информационного типа общества, можно выделить следующие:

1. **Время.** И первый, и второй феномен относятся к результату деятельности человека с конца XVIII века, а их становление и развитие пришлось на конец XX – начало XXI века. Более того, и катастрофа, и использование электронных средств связи выводят индивида в несколько другое временное измерение: если в случае катастрофы он отсекается от привычного течения жизни, своей повседневности, то в случае погружения в виртуальные миры, он изолируется от внешнего, окружающего его пространства. И то, и другое дают ощущение субъективно иного течения времени.

2. **Охват.** Катастрофы в современном мире становятся глобальными, о них не только узнают благодаря средствам связи, но и вовлекаются в происходящее, как волонтеры, добровольные жертвователи, как зрители и наблюдатели. О происшествиях даже в самых удаленных уголках планеты узнают довольно быстро благодаря мониторингу СМИ социальных сетей. Тут видна непосредственная взаимосвязь с электронными средствами коммуникации, составляющими ядро информационного общества, в котором многие СМИ и компании стремятся выйти на глобальный, а не локальный уровень.

3. **Отсутствие границ.** Катастрофы трансграничны, они напоминают людям о том, что мы живем на одной планете и в экосистеме все связано. Если происходит выброс вредных веществ, страдают все соседние страны, а не только страна, в которой произошла авария. Информационное общество в это смысле так же отличается от индустриального или традиционного: оно всегда выходит за локальные и национальные рамки благодаря большей необходимости коммуникации в глобальном пространстве.

4. **Влияние на людей и эмоциональное вовлечение.** Любая «новая» катастрофа ужасает и эмансипирует при этом, по словам У. Бека, то есть она способна эмоционально вовлечь и привести человека к расширению горизонтов, к новым действиям, обновленному взгляду на мир. А информационное общество – тот период развития общества, когда человек может отходить от живого общения, находя ему замену в виртуальных мирах. Именно там знакомиться, влюбляться, дружить, работать, тем самым отрываясь от более традиционных представлений о жизни.

5. **Непредсказуемость развития.** И «новые» катастрофы, и информационное общество развиваются по векторам, которые являются довольно непредсказуемыми. И катастрофы оставляют пространство для размышлений, какими могут быть новые эпидемии, аварии на заводах, удары стихии, и сами перспективы развития технологий позволяют только догадываться, каким станет даже тело человека, не говоря уже о его рабочих буднях, образовании, и проч.

В общем и целом, «новые» катастрофы так же можно назвать и очередной памяткой человечеству о том, что природа существует, нуждается в защитных мерах и более гуманном подходе, а информационность современного общества – не единственный, пусть и важный его параметр.

Библиографический список

Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? Социологические исследования. № 1. 2016. С. 178–185.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., Наука, 1989. 573 с.

Ижболдин В. А. Генезис концепции информационного общества // Социология власти. 2011. № 5. С. 105–110.

Перова А. Е. Социологические рефлексии «новых» экологических катастроф: теоретико-методологический анализ: диссертация канд. соц. наук. МГИМО МИД России, Москва. 2018.

Amyes S. G. B. Magic bullets, lost horizons: the rise and fall of antibiotics. London, Taylor and Francis, 2001.

Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. – Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc., 2010.

Cerulo K. A. Never saw it coming: cultural challenges to envisioning the worst. Chicago: The University of Chicago Press, 2006.

Eastern Partnership migration panel. В 2019 году более 110 тысяч мигрантов попали в Европу через Средиземное море. 3 января 2020 г [Электронный ресурс] // ЕАП: [веб-сайт]. URL: <https://eapmigrationpanel.org/ru/news/v-2019-godu-bolee-110-tysyach-migrantov-popali-v-evropu-cherez-sredizemnoe-more> (дата обращения: 29.02.2020).

Giddens A. The politics of climate change. Cambridge: Polity Press, 2009.

Luhmann N. Ecological communication. Cambridge: Polity Press, 1989.

Mann M. The sources of social power. Vol. 4. New York: Cambridge University Press, 2013.

Quarantelli E. L. Disaster Research // *Borgatta E. F., Montgomery Rh. J. V* Encyclopedia of Sociology, Vol. 1. 2nd ed. New York, Macmillan Reference USA, 2000.

Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press, 2014. P. 149–210.

Smil V. Global catastrophes and trends: the next fifty years. Cambridge, The MIT Press, 2008. P. 40.

The Guardian website. Rich countries launch great land grab to safeguard food supply/ [Электронный ресурс] // The Guardian: веб- сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2008/nov/22/food-biofuels-land-grab>, Qatar looks to grow food in Kenya // URL: <https://www.theguardian.com/environment/2008/dec/02/land-for-food-qatar-kenya> (дата обращения: 14.05.2017).

Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.

WHO (World Health Organization). Cumulative number of confirmed cases of avian influenza (A/(H5N1) reported to WHO. Geneva, 2007.